
ОЛЬГА
ДАШКОВА
Приказ:
ВЕРНУТЬ ЖЕНУ
И СЫНА

Ольга Дашкова

Приказ: Вернуть жену и сына

https://litres.ru/74984672
SelfPub; 2026

Аннотация

– Это мой сын?

– Да.

– Почему ты молчала?

– Потому что ты все равно ушел бы.

– Ты выбрал службу. Я выбрала сына. Мы уже давно чужие люди, Женя.

– Через две недели у меня свадьба. Прошу тебя. Уйди. Не ломай то, что я строила семь лет одна.

– Я не уйду. Это мой сын. И ты – моя жена.

Семь лет плена и потерянной памяти – против двух недель до чужой свадьбы.

Он вернулся не за прощением. Он вернулся за своим.

Содержание

Глава 1. Евгений 4
Глава 2.Евгений 10
Глава 3. Алиса 16
Глава 4. Алиса 21
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Ольга Дашкова
Приказ: Вернуть жену и сына

Глава 1. Евгений

Ночная Москва проносилась за стеклом рваными пятнами света. Фонари, вывески, чужие окна с чужой теплой жизнью за занавесками.

Я смотрел на нее и не узнавал, город изменился. А может, изменился я до такой степени, что мир вокруг стал просто фоном, декорацией, за которой я искал одну-единственную точку.

Квартиру.

Нет. Не квартиру. Жену.

Семь лет тишины – это не просто цифра. Это груз, который ложится на плечи и не снимается ни выправкой, ни дисциплиной.

Я привык нести груз: тяжелый рюкзак, раненого на себе, чужую жизнь на весах собственного решения. Но этот груз был другим. Он не давил на спину, он сидел глубже, там, где должно быть сердце, если бы у таких, как я, его было достаточно для подобных вещей.

Оно было. Просто я слишком долго делал вид, что нет.

Память возвращалась ко мне не как фильм, а как короткие, резкие разряды, будто кто-то бил меня под ребра изнутри.

Запах ее волос. Скрип паркета в прихожей на третьей доске от двери. Привычка вешать ключи на крючок слева, а не справа, потому что однажды я порезался о край полки справа и с тех пор упрямо, по-солдатски переучивал себя.

Я помнил детали. Мельчайшие, острые, как осколки.

А вот лицо Алисы ускользало. Я мог до последнего миллиметра описать изгиб ее плеча, когда она спала. Помнил тяжесть ее руки на моей груди по ночам. Но стоило попытаться собрать все это в одно лицо, оно расплывалось, как отражение в воде, по которой провели пальцем.

Я не стал звонить. Не написал. Не предупредил.

Не потому, что хотел произвести впечатление. Такие, как я, не играют на публику, и я не циркач, я солдат, а солдат не устраивает представлений. Я просто знал: если позвоню, она успеет подготовиться. Надеть маску. А маска – это последнее, что я хотел увидеть после семи лет.

Я хотел увидеть ее. Настоящую. Такую, какая она есть в четверг вечером, когда никто не смотрит.

Подъезд не изменился. Тот же кодовый замок, только цифры сбились, но я все равно вспомнил их раньше, чем успел подумать. Лестница, третий этаж. Ноги сами вели меня, словно тело помнило дорогу лучше, чем голова.

Ключ подошел. Старый, тяжелый, с выщербленной бородкой, я семь лет носил его во внутреннем кармане, там, где обычно носят документы или жетон. Он ни разу не потерялся. Даже когда я сам чуть весь целиком не потерялся, вот этот кусок металла оставался при мне.

Дверь открылась тихо, без скрипа, в прихожей было темно. Я стоял на пороге, и первое, что меня удивило, насколько знакомым был воздух. Тот же самый. Чуть сладковатый, с цветочным оттенком, который я никогда не мог точно описать, но безошибочно узнал бы его в толпе.

Прошел в гостиную, не стал включать свет, глаза давно привыкли работать в темноте лучше, чем при свете. На столе стояла коробочка. Небольшая, бархатная, приоткрытая, будто ее только что закрыли и забыли защелкнуть до конца.

Подошел, открыл одним пальцем.

Два обручальных кольца лежали рядом, плотно прижавшись друг к другу, как и положено хранить кольца, но эта теснота вдруг показалась мне издевательской. Это были не наши кольца с Алисой, эти были новые, пафосные, женское с камушком – наверняка бриллиант.

Стоял над коробочкой дольше, чем следовало. Дольше, чем позволял себе стоять над чем бы то ни было последние семь лет. А потом услышал звук.

Из соседней комнаты пробивался свет, узкая желтая полоса под неплотно прикрытой дверью. И голос. Женский. Теплый, живой, с интонацией, которая появляется, только когда

рядом ребенок и можно на секунду перестать быть взрослой.

А следом – смех. Детский, короткий, звонкий, ничего не подозревающий смех.

Что-то внутри меня сжалось так, что на секунду перехватило дыхание, привычка, выработанная годами, тут же попыталась взять это дыхание под контроль. Не вышло.

Я подошел к двери. Медленно толкнул ее, она открылась беззвучно, как открывается дверь в комнату, где, возможно, спит противник, а возможно, находится твоя жизнь.

Алиса стояла перед зеркалом.

Свадебное платье, да, на ней было именно оно. Простое, но элегантное, расшитое миллионом бусин, оно облегало ее так, словно было создано специально для того, чтобы показать мне, насколько красивее она стала.

Не та хрупкая девочка двадцати шести лет, с которой я познакомился, это уже была женщина. С чуть более острыми скулами. С прямой спиной, которую не согнули семь лет одиночества без меня, а наоборот, распрямили. С тем же рыжим огнем в волосах, только теперь в нем была не только яркость – в нем была сталь.

Я забыл, как дышать.

На кровати, поджав ноги, сидел мальчик лет шести. Темные волосы, упрямая линия рта – и глаза. Мои глаза, будто кто-то вырезал их из моего собственного лица и аккуратно вставил в детское. Он прижимал к себе потрепанного плюшевого зайца, держал его так, как держат единственную опо-

ру в комнате, где вдруг стало слишком тихо.

Алиса обернулась.

Секунда. Может, две.

Я успел увидеть, как ее лицо, то самое, ускользающее из моей памяти лицо, вдруг стало абсолютно, до последней черты реальным. Глаза расширились. Губы дрогнули, словно она хотела что-то сказать, но забыла, как это делается.

Она не упала, опустилась на кровать рядом с сыном, как оседает тот, кто слишком долго держался на одной воле.

– Мам, – тихо, испуганно позвал мальчик, глядя то на нее, то на меня, – кто этот дядя?

Алиса не ответила. Она беззвучно плакала, кусая губы, словно даже сейчас, в эту секунду, пыталась сохранить лицо перед мальчиком.

Я должен был спросить про платье. Про кольца в коробочке на столе. Про то, кого она ждала сегодня, чтобы примерить это платье, если я ее муж.

Но я не спросил ни о чем из этого.

Смотрел на мальчика, как на свое отражение, только в детстве, и во мне поднимался только один вопрос, оттеснивший все остальное: приказы, службу, семь лет молчания, даже саму Алису.

– Кто этот мальчик? – произнес вслух. Голос показался чужим, осипшим, будто принадлежал не мне, а тому, кем я был до контузии, до всего.

Алиса подняла на меня полные слез глаза и не ответила.

А мне ответ был уже не нужен. Я и так знал.

Глава 2.Евгений

Первые слова Алисы прошли мимо меня, как проходит мимо снаряд, который не задел, но одним своим звуком выбил воздух из легких.

Она что-то быстро, сбивчиво говорила, а я стоял и слышал только гул. Плотный, ватный гул, словно голова снова оказалась под водой, как в те месяцы, когда я заново учился разбирать человеческую речь по слогам.

Пол не уходил из-под ног в буквальном смысле. Но ощущение было точно такое же, как после контузии, когда земля вроде бы на месте, но равновесие приходится удерживать не телом, а волей.

Я смотрел только на мальчика.

Он настороженно смотрел на меня в ответ из-за плеча матери, крепче прижимая к груди зайца.

– Женя. Женя, посмотри на меня.

Резкий, требовательный голос Алисы наконец пробился сквозь гул, именно тот самый тон, которым она умела приводить меня в чувство, когда я, вернувшись с полигона, застывал на пороге и не мог сразу переключиться на гражданскую жизнь.

Она знала этот прием. Использовала его сейчас, не задумываясь, как рефлекс, оставшийся с прежних лет.

– Уйди в другую комнату. Дай мне переодеться. Мы пого-

ворим. Спокойно.

Спокойно.

Я чуть коротко, зло, про себя не рассмеялся. Спокойно – это не про меня сегодня. Но я кивнул, развернулся.

Ноги сами вынесли обратно в гостиную, потому что голова была занята другим. Она все еще гудела, пульсировала где-то за левым виском, там, где после контузии всегда появлялась первая боль, стоило перегрузить нервную систему сильнее обычного.

Я расхаживал по квартире, как расхаживают по чужой территории, знакомой и нет одновременно. Новый ремонт. Другая мебель, светлее, современнее той, что я помнил.

Диван стоял не у окна, а у стены. Ковра, который выбирала когда-то моя мать, не было вовсе. Квартира сохранила скелет прежней жизни, но нарастила поверх него совсем другую плоть. Плоть, в которой не было меня.

На полке у телевизора стояли фотографии в рамках. Я подошел, хотя каждая клетка тела приказывала не подходить, не смотреть, беречь то немногое равновесие, что еще оставалось.

Мальчик. Совсем крошечный, красный, только из роддома, на руках у Алисы. Мальчик постарше, делает первые неуверенные шаги по этому самому паркету, руки растопырены. На лице сосредоточенная ярость человека, впервые бросающего вызов гравитации. Мальчик смеется в камеру вместе с Алисой, у обоих в руках воздушные шарики, где-то

на заднем плане торт со свечами. Три года. Может, четыре.

На каждом снимке жизнь, которая прошла без меня. Год за годом, шаг за шагом, свеча за свечой.

Голова взорвалась болью так резко, что я на секунду закрыл глаза и уперся ладонью в край полки. Дышать. Считать. Четыре секунды вдох, четыре – задержка, четыре – выдох.

Прием, которому учили всех на реабилитации, когда организм срывался в паническую перегрузку без видимой команды. Сработало не сразу, но сработало.

Когда открыл глаза, Алиса уже стояла в дверях гостиной. Свадебного платья на ней больше не было, а только простые джинсы, серая футболка, волосы стянуты в низкий хвост.

Без наряда она выглядела еще более настоящей. Еще более чужой мне и еще более моей одновременно, что было совершенно лишено логики, но логика в этой квартире сегодня явно не ночевала.

– Это мой сын? – голос вышел ровным. Слишком ровным для того, что творилось внутри.

– Да, – ответила без промедления. Без попытки смягчить.

– Почему ты молчала?

– Потому что ты все равно ушел бы.

Несколько слов.

Она произнесла их так спокойно, будто давно отрепетировала этот ответ. Может, действительно отрепетировала – на случай, если бы этот разговор когда-нибудь состоялся.

– Развод заочный, – продолжила она, не дожидаясь но-

вых вопросов. – Год полного молчания. Официальная бумага: пропал без вести, предположительно погиб. Я не хотела быть якорем для человека, который выбрал бы миссию вместо семьи в любом случае. Его зовут Платон. Ему шесть лет.

Каждое слово падало ровно, сухо, как показания на допросе. Я слушал и одновременно не слушал. Часть меня разбирала факты, фиксировала даты, сопоставляла со своей памятью; другая часть, глубже, темнее, просто выла.

Сделал шаг в сторону комнаты, где остался мальчик. Всего один шаг.

– Не надо, – Алиса встала между мной и дверным проемом, не касаясь меня, но перекрывая путь всем телом. – Он и так напуган, Женя. Ему хватит потрясений на сегодня.

– Он – мой сын.

– Он не знает, кто ты. Для него ты – незнакомый мужчина, который появился вечером и напугал его мать до слез.

Замолчал. Она была права, и от этого стало только хуже.

– Ты выбрал службу, – сказала она тихо, но каждое слово вбивалось отдельным гвоздем. – Я выбрала сына. Мы уже давно чужие люди, Женя.

– Не сказала.

– Это бы ничего не изменило. Ты бы все равно ушел на задание.

Я двадцать пять лет носил погоны. И за двадцать пять лет привык, что звание и сила решают вопросы там, где бессильны слова. Но в этой комнате, перед этой женщиной и маль-

чиком ни звание, ни сила не стоили ничего. Впервые в жизни я стоял безоружным – и знал это.

– Через две недели у меня свадьба, – добавила Алиса, отступив на шаг. – Прошу тебя. Уйди. Не ломай то, что я строила семь лет одна.

Смотрел на нее долго. Достаточно долго, чтобы она отвела взгляд первой.

– Я не уйду, – сказал тихо, жестко. Без права на пересмотр. – Это мой сын. А ты – моя жена.

Она ничего не ответила. Просто закрыла дверь спальни у меня перед лицом. Не хлопнула, аккуратно, но от этой аккуратности стало холоднее, чем от любого хлопка.

Я вышел на лестничную клетку и не смог заставить себя спуститься дальше. Остановился между третьим и вторым этажами, прислонился спиной к холодной стене подъезда и только там позволил себе то, чего не позволял ни разу за все годы службы.

Отпустил себя так, что руки затряслись. Крупно, неконтролируемо, как трясутся не от холода, а от перегрузки, с которой организм не успевает справиться.

Вышел на улицу, осень встретила меня мелким, упрямым дождем, он все еще был тот самый, что провожал меня всю дорогу от аэропорта, город с самого начала знал, чем закончится этот вечер.

Достал сигареты, руки не слушались, пальцы промахнулись мимо колеса зажигалки дважды, прежде чем огонек на-

конец занялся, прикрытый ладонью от ветра.

Затянулся. Дым смешался с сыростью, с гулом в голове, с той самой болью за виском, что так и не отступила до конца.

В ушах был не звук улицы, не шум машин, не дождь.

«Ты выбрал службу. Я выбрала сына. Мы уже давно чужие люди, Женя».

Стоял под козырьком подъезда, курил одну сигарету за другой, и впервые за много лет, за все эти годы приказов, миссий, решений, от которых зависели чужие жизни, я не знал, что делать дальше.

Глава 3. Алиса

Дверь закрылась, замок щелкнул, я вышла из спальни, прислонилась к двери спиной, будто это была не дверь, а последняя опора во всей квартире.

Ноги не держали, медленно, некрасиво сползла вдоль косяка на пол, так, как никогда не позволяю себе при Платоне. Просидела так несколько секунд, слушая собственное дыхание, слишком частое и слишком громкое в тишине прихожей.

– Мам? – голос сына раздался из глубины квартиры раньше, чем я успела взять себя в руки. – Мам, кто это был?

Быстро, привычно поднялась. За шесть лет материнства я отучилась надолго падать в обморок, даже когда очень хочется. Вытерла лицо ладонями, хотя слез почти не осталось, они высохли где-то между «он мой сын» и щелчком замка.

– Дядя, – мой голос прозвучал на удивление ровно. – Просто дядя, зайчик. Заблудился, спрашивал дорогу.

Платон посмотрел на меня с тем особым прищуром, который появляется у детей, когда они чувствуют ложь, но еще не умеют ее распознать. Не стал спорить, молча кивнул и крепче прижал к себе зайца.

Я обняла сына, уткнулась носом в его макушку, вдохнула запах шампуня и тепла, единственное, что за последние минуты помогало мне не расклеиться окончательно.

А потом, уложив его спать с третьей попытки, с третьей сказкой, потому что у меня дрожали руки и голос срывался на самых спокойных моментах истории про лисенка, я осталась одна в темноте коридора и наконец позволила себе подумать.

Семь лет.

Первый год я ждала так, как умеют ждать только женщины, которые еще не разучились верить в чудо. Тогда я не знала, что беременна, узнала уже после ухода Жени на очередное задание, когда привычная тошнота по утрам оказалась не от нервов.

Я носила его ребенка и одновременно носила пустоту вместо мужа. Письма без ответа, звонки в никуда, официальные формулировки, за которыми не было ни одного живого слова.

«Пропал без вести».

Эти три слова я выучила наизусть быстрее, чем колыбельные для сына.

Они мне снились. Они преследовали меня в очередях, в разговорах с врачами, в тот момент, когда я впервые взяла на руки Платона и плакала не только от счастья, но и от того, что рядом не было того единственного человека, которому я хотела показать это чудо в первую очередь.

Второй год я все еще цеплялась за надежду. Ошибка, недоразумение, может быть, он просто не может выйти на связь, может быть, завтра. Я говорила с сыном о папе так,

будто он вот-вот вернется. Показывала фотографии. Рассказывала, какой он сильный, каким смешным был в молодости, как фальшиво, но с душой пел.

К третьему году надежда истончилась настолько, что стала похожа не на веру, а на привычку. Как старое пальто, которое давно жмет, но снять страшно, потому что без него еще холоднее.

Я решила закончить эту главу своей жизни не потому, что разлюбила. А потому, что любить пустоту семь лет подряд – это не любовь. Это медленное самоубийство, растянувшееся на годы, и я не имела права втягивать в это еще и сына.

Суд признал его пропавшим без вести. Потом была спокойная процедура развода, безучастная, как будто расторгали не брак, а истекший срок аренды. Я подписывала бумаги ровными почерком. Плакала уже потом, дома, одна, чтобы Платон не видел.

И вот сегодня он стоял передо мной.

Живой. Настоящий.

Пахло не одеколоном из моих воспоминаний, а чем-то другим. Дорогой, самолетом, чужой жизнью, но все равно мое тело среагировало раньше разума. Узнало его раньше, чем я успела испугаться.

Это было предательством. Нечестно по отношению к самой себе, той, которая семь лет собирала себя по кусочкам.

Прошла в спальню, свадебное платье висело на крючке у окна. Белое, безмолвное, словно ждало объяснений не мень-

ше, чем я. Я аккуратно сняла его, повесила в шкаф, задернула чехол, и не потому, что хотела спрятать, а потому, что не могла больше на него смотреть.

На тумбочке стояла бархатная коробочка с новыми кольцами. Они были красивыми, очень, Артем выбирал с любовью. Но сейчас я открыла другую шкатулку, ту, которую давно не открывала, взяла свое старое кольцо. Тонкое, с крошечным сколом на внутренней стороне ободка – я однажды случайно задела кольцом край плиты.

Положила рядом. Сравнила. Новое было красивее. И дороже. Правильнее для той жизни, которую я строила последние семь лет.

Старое было тем, что я носила, засыпая с мыслью «он вернется» и просыпаясь с той же мыслью, изо дня в день, пока однажды не перестала.

Телефон завибрировал на тумбочке. Артем.

– Алиса, ты как? – его голос звучал заботливо, ровно, с той мягкой настойчивостью, которая обычно меня успокаивала. – Ты не отвечала на сообщения весь вечер, я начал волноваться.

– Все хорошо, – соврала и сама удивилась, как легко это вышло. – Просто устала. Платон капризничал перед сном.

– Отдыхай. Я заеду завтра, хорошо? Соскучился.

– Ладно, – сказала и отключилась раньше, чем голос выдал меня.

Подошла к окну. Внизу под редкими фонарями блестел

мокрый асфальт. И там, у самого подъезда, под козырьком, стояла темная фигура.

Он не ушел.

Огонек сигареты ровно, методично вспыхивал и гас в темноте, будто это было единственное, что удерживало его на месте.

Я слишком долго для женщины, у которой через две недели свадьба с другим мужчиной, стояла у окна. Я смотрела на эту фигуру внизу и одновременно чувствовала две вещи, которые никак не могли уместиться в одной груди.

Вину – потому что где-то в глубине души я знала: я не сказала ему правду семь лет назад, когда еще был шанс. Я сделала выбор за нас обоих.

И правоту – потому что его не было рядом семь лет.

Не было рядом, когда я рожала, когда болел Платон, когда в первую зиму было не на что жить. Я не обязана была оставаться вечной вдовой человека, который сам, добровольно решил уйти, прикрываясь службой и долгом.

Обе мысли были правдой. Обе разрывали меня на части. Он вернулся. И теперь все будет сложно.

Глава 4. Алиса

Открыла глаза раньше будильника, практически не спала, всю ночь пролежала на боку, глядя в щель между шторами, откуда пробивался фонарный свет с улицы, и слушая тишину так внимательно, будто она могла заговорить.

В шесть утра я все-таки подошла к окну.

Под козырьком подъезда было пусто. Ни силуэта, ни огонька сигареты. Только мокрая скамейка да лужа, в которой отражалось серое небо. Я стояла и смотрела на это пустое место долго, давая самой себе просто убедиться, что Женя ушел.

Странно, но пустота под окном не принесла облегчения. Скорее она дала новый вид тревоги, тише вчерашней, но такой же цепкой. Где он сейчас? Куда пошел ночью? Что вообще случилось? И как дальше жить?

Отогнала мысль так же, как отгоняла все остальные последние семь лет – привычным усилием воли, которое у меня давно превратилось в мышечную память.

Платон проснулся капризным, не выспался, чувствовал мое состояние лучше любого детектора лжи. Я варила ему кашу, стараясь двигаться размеренно, обычно, будто вчерашнего вечера не существовало вовсе.

Получалось скверно, ложка звякнула о край кастрюли громче, чем нужно, я обожгла палец о край плиты. Глупая,

невнимательная ошибка, которую я не совершала месяцами.

Артем приехал в половине десятого, как и обещал, с пакетом свежей выпечки, с мягкой улыбкой, которая обычно действовала на меня успокаивающе, как теплый плед в холодный день.

Но сегодня она подействовала иначе.

– Платоша, дружище, – он присел на корточки перед сыном, взъерошил ему волосы. – Что новенького у нас?

Платон посмотрел на него настороженно, то ли еще не отошел от вчерашнего, то ли просто был не в духе с самого утра. Пробормотал что-то про машинки и убежал в комнату, не задержавшись рядом дольше секунды.

Артем выпрямился, проводил его взглядом, и в этом взгляде на долю секунды промелькнуло что-то, чего я раньше не замечала. Не разочарование, а скорее оценка. Так смотрят не на ребенка, который капризничает, а на переменную, которая ведет себя не по плану.

Он прошел в гостиную, поставил пакет с выпечкой на стол и на автомате, будто делал это сотни раз, поправил рамку с фотографией на полке. Ту, на которой Платон смеется с воздушным шариком. Сдвинул ее на пару сантиметров вправо, выровнял по линии остальных снимков.

Мелочь. Пустяк. Но я вдруг поймала себя на мысли, что впервые вижу, как он касается вещей в моей квартире так, будто уже имеет на это право. Не гость, а хозяин, который просто еще не переехал.

– У тебя усталый вид, – сказал он, разливая кофе по чашкам, которые тоже давно знал, где стоят. – Вчера что-то случилось?

Почувствовала, как внутри что-то сжалось. Это была привычная, отработанная за эти месяцы готовность объяснить, оправдаться, быть понятной. Но вместо правды с языка сорвалось совсем другое, гладкое, заранее готовое, будто я репетировала это всю ночь, сама того не замечая.

– Дальний родственник заходил. Неожиданно, без звонка. Засиделись, разговорились о старом, устала немного.

Ложь прозвучала ровно. Слишком ровно для человека, который никогда прежде не умел врать так легко.

Артем спокойно, без единого вопроса кивнул. Не спросил ни имени родственника, ни степени родства, не показал удивления, что кто-то приходит поздно без предупреждения к женщине за две недели до свадьбы. Просто кивнул и подвинул ко мне чашку.

Именно это спокойствие и зацепило меня больше, чем зацепил бы любой настойчивый вопрос. Мужчина, который не задает очевидных вопросов, либо совсем не интересуется твоей жизнью, либо уже знает ответ и проверяет, солжешь ли ты.

Отогнала и эту мысль так же быстро, как она пришла. Слишком много подозрительности для одного утра. Слишком много всего вообще для одного утра.

Артем пробыл еще час, играл с Платоном в машинки на

полу, ловко, естественно, будто действительно умел находить общий язык с шестилетними мальчишками, а не просто изображал умение.

Может, я себе все придумываю. Может, вчерашний вечер настолько выбил меня из колеи, что я теперь ищу тревогу там, где ее нет. В жестах, в паузах, в слишком спокойных интонациях человека, который просто меня любит и ничего не подозревает.

Он ушел в начале двенадцатого, поцеловал меня в щеку у двери, сказал, что вечером заедет снова, что скучает уже сейчас. Я улыбнулась, проводила его взглядом до лифта, обычная, домашняя сцена, каких у нас были десятки за этот год.

И только когда закрыла дверь, опустила взгляд вниз, на коврик у порога. Там лежал цветок. Не из магазина, не в целлофане, не с ленточкой.

Простой полевой василек, еще влажный, будто сорванный где-то на обочине по дороге сюда. Нелепый, неуместный в октябрьской Москве, где никаких васильков давно не растет ни в одном сквере.

Записки не было, да ее и не требовалось.

Я стояла над этим цветком долго, не решаясь поднять его, будто он мог обжечь пальцы сильнее, чем горячая сковородка сегодня утром.

Семь лет назад, в самый первый год нашей истории, Женя однажды принес мне точно такой же василек, сорвал прямо у дороги, потому что цветочный магазин по пути закрылся,

а он не хотел приходить с пустыми руками. Тогда я смеялась над этим нелепым, помятым цветком дольше, чем смеялась бы над самым дорогим букетом.

Он помнил. Через семь лет, через – даже не знаю, что ему пришлось пройти и почему его так долго не было. Он помнил именно это.

Присела, осторожно, двумя пальцами, подняла цветок с коврика, будто он и правда мог рассыпаться. И поняла две вещи одновременно.

Мне нужно было испугаться. По-настоящему испугаться того, что мужчина, воскресший из мертвых, знает, где я живу, и приходит, не постучав.

А еще – что внутри меня медленно, предательски разливалось тепло. То самое, забытое, которое я не чувствовала уже очень, очень давно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.